

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

**Проблемы российских университетов
в общественно-политической полемике начала 60-х гг. IX в.**

В статье показан процесс подготовки университетского устава 1863 г., сопровождавшийся широким общественным обсуждением, дискуссиями в печати, студенческим движением, активизацией работы правительства на этом направлении и ставший началом поиска компромиссов в университетской политике между студентами, профессорско-преподавательским составом и правительством России.

Ключевые слова: Ученый комитет Министерства народного просвещения, комиссия, устав Императорских университетов, реформа университетского образования, министр просвещения, попечитель учебного округа, студенческие волнения, профессорско-преподавательский состав.

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

**Problems of Russian Universities in Social and Political Controversy
in the beginning of the 60-s of the IX century**

In the article the process of preparation of the University charter in 1863 is presented which was accompanied by extensive public discussion, discussions in the press, by the student movement, activization of work of the government on this direction and it became the beginning of searching of compromises in University policy between students, the faculty and the government of Russia.

Keywords: the scientific committee of the Ministry of national education, a commission, the charter of Imperial universities, a reform of university education, Minister of education, a trustee of the educational district, student agitation, the faculty.

Начало 60-х гг. XIX в. было ознаменовано не только студенческими волнениями, «брожением умов, возбуждением различных страстей, необыкновенным развитием умственной деятельности, направленной преимущественно к обсуждению предметов общественных...» [5, с. 110]. Это десятилетие российской истории открывало «золотой век» [5, с. 99] тех великих и давно ожидавшихся преобразований, которые вслед за отменой крепостного права должны были Высочайшей волей «ввести законность взамен произвола, равенство перед законом вместо привилегий, свободу... вместо утеснений, гласность вместо прежней тайны» [5, с. 99]. Многократно озвученным современниками¹, этим либеральным по духу свершениям было предназначено «заложить основы всей новой русской жизни» [28, с. 44], бросить вызов многочисленным закоренелым пережиткам прошлого, содействовать процессам кардинальных изменений тех государственных структур и учреждений, за которыми стояло будущее России, немыслимое без научных достижений, культурного прогресса, широких просветительских горизонтов. К числу таких учреждений принадлежали и Императорские уни-

верситеты. Реформы 60-х гг. давали им надежду на коренную перестройку управленческих принципов и академической деятельности, истоками которых служили надежды на «совершенное обновление учебной системы империи» [8, с. 356].

Несбыточность этих помыслов и надежд обнаружилась на завершающем этапе разработки нового устава Императорских университетов, но тем, кто инициировал и вдохновлял в них обновленческий процесс, принимал самое деятельное и заинтересованное участие в механизме законотворчества, конечно, это было неведомо: они искренне рассчитывали на то, что подготавливают новую грандиозную эпоху реформирования главных научных и ведущих учебных центров Российской империи – университетов.

Работа над проектом нового университетского устава оказалась на редкость длительной: она растянулась более чем на пять лет. За это время в России сменилось четыре министра просвещения: А. С. Норов (1854–1858), Е. П. Ковалевский (1858–1861), Е. В. Путятин (июль – декабрь 1861), А. В. Головин (1861–1866). На долю первых двух, А. С. Норова и Е. П. Ковалевского, выпала почетная доля ликвидации тягостных по-

следствий «мрачного семилетия» николаевского режима в жизни университетов; Е. В. Путятину досталась назавидная участь борьбы со студенческим произволом и беспорядками, что при использовании одних лишь выбранных им административно-полицейских методов решения студенческого вопроса заронило веские сомнения в возможности каких-либо демократических преобразований университетского быта; и только А. В. Головнину посчастливилось завершить процесс реформирования университетов на новой правовой основе.

Казалось бы, тщательная работа по преобразованию университетов, которая растянулась на пятилетие, должна была привести не иначе как к глубокой и всесторонней ревизии недостатков университетского образования и наметить эффективные меры по их преодолению. Так ли получилось на самом деле, призваны осветить авторы данной статьи.

«Оттепель» и «перестройка», ассоциировавшиеся в сознании образованного российского общества с приходом к власти Александра II, позволили А. С. Норову уже в 1857 г. заявить, что и в Министерстве народного просвещения началась работа по пересмотру «общих оснований всей системы народного образования». Это предполагало «сообразить действующие ныне уставы учебных заведений с действительными потребностями государства и времени и с современным состоянием науки» [23, с. 28].

Осведомленный лучше других в политике министерства председатель его Ученого комитета Г. А. Щербатов, бывший к тому же и попечителем С.-Петербургского учебного округа, незамедлительно приступил к составлению устава подведомственного ему столичного университета. Его рвение подогревалось не только осознанием насущной потребности в обновлении главного закона существования академического сообщества, но еще и тем, что назначенный в марте 1858 г. на пост министра Е. П. Ковалевский санкционировал этот почин, предложив всем попечителям последовать примеру Г. А. Щербатова и в кратчайшее время высказать соображения о внесении необходимых изменений в действующем университетском уставе [21, с. 62; 25, с. 165].

Кропотливая работа над проектом нового устава, текст которого обсуждался на заседаниях совета С.-Петербургского университета и редактировался в специально созданной комиссии² [6, с. 13, 15, 21], завершилась летом 1858 г., когда результаты труда либерально настроенного попе-

чителя³ и группы профессоров-единомышленников, объединенных просветительскими взглядами, поступили в Министерство народного просвещения. Результаты их деятельности обескуражили министерских чиновников: надежды на то, что проект устава С.-Петербургского университета не выйдет за рамки очищенного от напластований «мрачного семилетия» устава 1835 г., который в то время служил для Александра II эталоном университетского законодательства, не оправдались [8, с. 356]. В столичном университете, прославившемся наличием ученых с оппозиционными самодержавию настроениями (К. Д. Кавелин, Н. И. Костомаров, А. Н. Пыпин, М. М. Стасюлевич, В. Д. Спасович), идеалом университетской «конституции» служил устав 1804 г., поэтому предложения сводились к значительному ограничению власти попечителя, расширению функций совета профессоров и факультетских собраний, усилению власти ректора. Кроме того, будучи уверенными в том, что университеты являются «рассадниками высшего теоретического образования», составители проекта устава предложили меры к повышению научного уровня преподавания: создание новых кафедр, увеличение средств на учебно-вспомогательные учреждения, совершенствование условий для обновления университетских штатов, улучшение материального положения преподавателей. Забота о студентах вылилась в предложения о расширении контингента учащихся и облегчении условий их учебной деятельности: отмену вступительных и переводных экзаменов, отказу от вездесущего контроля за поведением университетской молодежи, введению свободы посещения занятий и выбора оптимальных сроков, удобных каждому, для подготовки к выпускным испытаниям, освобождению от платы за обучение «недостаточных» студентов [22, с. 29–33].

В Министерстве народного просвещения остались недовольны работой комиссии Г. А. Щербатова, так как «в области народного просвещения, как и в других областях государственной жизни, еще только готовились материалы для всесторонних реформ, совершенных в первой половине 60-х годов», – прокомментировал нерешительность правительства С. В. Рождественский [8, с. 356]. Боясь обвинений в обскурантизме и желая угодить общественному мнению, Е. П. Ковалевский препроводил в Московский университет непригодный к применению проект передовой столичной профессуры с попечителем

во главе. Здесь, в специально учрежденной комиссии, должны были высказать суждения о том, удовлетворяет ли потребностям университетов предлагавшийся для изучения документ, и как его можно применить в административной, хозяйственной и учебной сферах жизни университетских центров России.

Полученное весной 1859 г. заключение вместе с текстом «опального» проекта затем переслали на инспектирование в Харьковский и Киевский университеты, где его неспешное рассмотрение продолжалось еще два года [8, с. 366; 10, с. 70].

Поступившие отзывы на проект нового университетского устава вновь могли быть проигнорированы министерством, если бы толчком к их обсуждению не послужили массовые студенческие волнения в С.-Петербурге и Москве осенью 1861 г. На это обратил внимание историк Министерства народного просвещения С. В. Рождественский [8, с. 366; 499] и подтвердил в своих автобиографических «Записках» А. В. Головнин, который «быстрое движение» к пересмотру действующего университетского устава связал с «беспорядками» в стенах С.-Петербургского, Московского, Казанского и Киевского университетов. В частности, А. В. Головнин отмечал: «Такое положение университетов не могло быть терпимо. Временные меры строгости⁴, очевидно, не могли устранить зла, причины которого коренились в несовершенстве университетского устройства. Нужно было принять более надежные меры, которые бы предотвратили на будущее время возможность подобных беспорядков и направили на надлежащий путь развития наше высшее университетское образование. Эта цель, главным образом, имелась в виду при составлении нового университетского устава...» [5, № 2, с. 104]⁵.

Хотя очевидцам названных А. В. Головниным событий связь между студенческими беспорядками и пусковым механизмом новой университетской реформы казалась непреложным фактом, все-таки стоит заметить, что члены особой Комиссии, созданный при Министерстве народного просвещения в декабре 1861 г., понимали свою миссию шире и не заикнулись только на законодательном урегулировании статуса студентов.

В Комиссию под председательством попечителя Дерптского учебного округа⁶ сенатора Е. Ф. фон Бранке вошли назначенные министром попечители всех российских университетов (среди которых были генералы Г. И. Филипсон и Н. В. Исаев, крупные правительственные чиновники – барон А. П. Николаи и князь П. П. Вязем-

ский) и пользовавшиеся доверием сослуживцев представители «ученого сословия» (профессора С. М. Соловьев, И. К. Бабст, А. В. Никитенко, Н. Х. Бунге и другие)⁷. Выполняя распоряжение Е. В. Путятина, они должны были пересмотреть действующие университетские уставы и другие положения, касавшиеся университетов [6, с. 246], обсудить проект С.-Петербургского университета и отзывы, поступившие на него, с тем чтобы составить свой вариант проекта общего устава Императорских университетов [14, с. 397].

При его создании за основу был взят устав 1835 г., который заново изучали, исправляли и уточняли, «сообразно новым потребностям» [6, с. 246]. А. В. Никитенко признается в том, что на одном из заседаний «цитировался и проект Петербургского университета», но все же гораздо большего внимания был удостоен уже изрядно устаревший николаевский устав, который штудировали по параграфам, «идя шаг за шагом», поэтому в устройстве университетов, то есть его организационных принципах, изменения оказались незначительными [6, с. 246, 247]. После бурных прений большинство участников Комиссии приняли решение о незначительном ограничении власти попечителя, что, естественно, укрепляло позиции университетского совета: ему передавалась «полная автономия» в распределении «наук по разрядам» [6, с. 247, 248]. Однако в научной деятельности университетов попечители были попросту некомпетентны, поэтому и говорить о заметном послаблении их власти не приходится.

Присутствие крупных профессоров в составе Комиссии определило одно из ведущих направлений ее работы – совершенствование учебного процесса. Добиваясь воплощения этой цели, Комиссия сосредоточила свои усилия на обсуждении «главного», в оценке А. В. Никитенко, вопроса: увеличении количества университетских кафедр, но, поскольку средств, выделявшихся на преобразование университетов, было недостаточно – всего пятьсот тысяч рублей, их число должно было возрасти незначительно: на восемь новых кафедр – в С.-Петербургском университете и на десять – в каждом из оставшихся [6, с. 247, 250; 21, с. 69].

Ограниченное государственное финансирование не давало возможности членам Комиссии ходатайствовать о заметной прибавке жалованья профессорам и учреждении новых профессорских вакансий. На вновь открывавшиеся кафедры решено было набирать доцентов (заменявших адъ-

юнктов) [6, с. 248, 249], оклад которых был несоизмеримо ниже профессорского. Для борьбы с застойными явлениями в преподавании облегчался доступ на кафедры молодым научным силам.

Бурными дискуссиями сопровождалось рассмотрение раздела устава, посвященного студентам. Комиссия не признала необходимости в существовании особой корпорации студентов, но и не позволила провести в жизнь популярную в 60-х гг. идею «свободных университетов», гарантировавших взамен сословных и служебных университетских привилегий свободный доступ в аудитории всем лицам без различия пола, возраста, имущественного и образовательного ценза [6, с. 251; 604, прим. 196]. В то же время стремление идти в ногу со временем заставило участников Комиссии допустить большую снисходительность к запросам «посторонних лиц», намеревавшихся посещать университетские занятия, и к студентам, изъявлявшим желание сменить место обучения и перевестись из одного университета в другой. Это снимало ограничения, налагавшиеся уставом 1835 г. Положение «недостаточных» студентов решено было облегчать отсрочками и полным освобождением от платы за обучение, но при обязательной «успешности» их обучения. Для надзора за поведением учащихся внутри университетов предлагалось избирать пользовавшегося авторитетом среди студентов проректора (из числа профессоров), а при отсутствии такого – инспектора (из посторонних лиц) [6, с. 249].

В конце декабря 1861 г. Комиссия завершила свою работу. Хотя все семнадцать ее заседаний [6, с. 252] проходили в обстановке дискуссий, прений, явной заинтересованности участников в преодолении проблем, ставших помехами в развитии университетов, трудно назвать появившийся проект университетского устава крупной вехой в истории высшего образования России. Сами участники Комиссии Е. Ф. фон Брадке были далеки от мысли, что новое университетское законодательство открывало простор для развития науки и действительно соответствовало научным потребностям университетов. Попечитель С.-Петербургского округа Г. И. Филипсон откровенно характеризовал проект Комиссии «исправленным в подробностях старым университетским уставом», а Е. Ф. фон Брадке видел главное его достоинство в «непоколебимости... условий государственного быта», так как новый вариант устава был составлен «на положительно консервативных началах» [21, с. 71]. Аналогичные высказывания позже были озвучены участниками

обсуждения этого проекта в печати⁸. Негативную оценку проекта дал и новый министр просвещения А. В. Головнин, приступивший к своим обязанностям в декабре 1861 г. [6, с. 251].

По его предложению, одобренному Александром II, проект был разослан во все университетские советы, членам Главного правления училищ, некоторым губернаторам и предводителям дворянства, митрополитам и другим представителям духовного звания, уважаемым в педагогической и административной деятельности лицам. Кроме того, проект устава, переведенный на европейские языки, был направлен многим видным зарубежным ученым с целью получения их поддержки в процессе совершенствования российского университетского образования и применения на практике наиболее перспективных их рекомендаций⁹. Одновременно для изучения европейского опыта в устройстве университетов за границу был командирован К. Д. Кавелин.

Таким образом, впервые в истории отечественного образования в процесс законотворчества было вовлечено большое количество заинтересованных в усовершенствовании деятельности университетов лиц. Это свидетельствовало только об одном: именно с университетами неравнодушные к судьбе отечества граждане связывали надежды на укрепление могущества Российской империи и рост благосостояния своих соотечественников. Обсуждение «университетского вопроса» в правительственных сферах, ученых кругах, литературных салонах, на страницах периодической печати стало всеобщим. «Ни до, ни после этого университетам не придавалось такого большого значения в жизни страны в целом: университеты казались тем рычагом, при помощи которого можно будет поднять общий культурный уровень народа» [19, с. 173], добиться прогрессивного поступательного развития, не уступавшего по важнейшим экономическим и культурным показателям уровню ведущих мировых держав.

«Широкая гласность, привлекавшая образованное общество к всестороннему обсуждению важнейших преобразований по народному просвещению» [8, с. 397], стала характерной чертой деятельности министерства под управлением А. В. Головнина¹⁰, и началом этого абсолютно нового для России явления – формирования общественного мнения в ходе его обстоятельного рассмотрения в столичной и провинциальной печати стал вопрос «столь высокой важности» [8, с. 413] – университетский устав. Следовательно,

мы с уверенностью можем утверждать, что во второй половине XIX в. университеты России уже достигли такого уровня развития и общественного признания, что регулировать проблемы, связанные с их существованием, одними только волонтаристскими мерами и приказным порядком стало невозможно.

Обращение Министерства народного просвещения к заинтересованным в процветании университетов специалистам и общественному мнению встретило живой отклик. Из поступивших в 1862 г. предложений и замечаний, а также отражавших широкий спектр мнений статей, опубликованных в периодических изданиях¹¹, был составлен двухтомный сборник «Замечания на проект общего устава Императорских российских университетов», куда вошли шестьдесят три мнения университетских советов, преподавателей высших учебных заведений и лицеев, и тридцать восемь отзывов от представителей духовенства, членов Ученого комитета и Главного правления училищ Министерства народного просвещения, попечителей, инспекторов, директоров обсерваторий, гимназий и прочих лиц, не связанных с университетской корпорацией. Это были люди, принадлежавшие к разным сословиям и слоям российского общества, разделявшие всю палитру взглядов и убеждений, существовавших в пореформенный период. Из-за границы поступило девятнадцать мнений, главным образом от профессоров и педагогов Германии и Англии, хотя ученые Франции, Бельгии и Швейцарии [10, с. 74, прим.] тоже не остались в стороне от обсуждения поднятых в ходе полемики вопросов.

Все собранные министерством материалы следовало тщательно изучить, критически оценить и, сравнивая, выделить наиболее актуальные для Императорских университетов того времени идеи. Мнения специалистов, которые нередко были амбивалентными, предстояло сгруппировать по блокам, соответствовавшим наиболее важным аспектам обсуждавшегося устава (статус университетов, их административное устройство, организация научной и учебной деятельности), затем проанализировать всю отсортированную информацию, сводя главные замечания к наиболее ценным предложениям. Наконец, соотнеся их с имевшимся проектом Комиссии Е. Ф. фон Брадке, требовалось вынести решения по новой редакции отдельных статей или целых разделов устава [10, с. 76, 77].

Эту очень сложную работу по анализу и систематизации поступивших предложений, исправ-

лению недостатков работы Комиссии Е. Ф. фон Брадке и окончательной редакции проекта общего устава российских университетов поручалось осуществить Ученому комитету Главного правления училищ, состав которого был усилен пятнадцатью известными и уважаемыми в России учеными (преимущественно из столичного университета). В течение четырех месяцев, с июля по октябрь, 1862 г. на восемнадцати заседаниях Ученого комитета заслушивались и обсуждались основные положения будущего устава: место университетов «в государственном, ученом и учебном отношениях», власть попечителя, университетский совет и факультетские собрания, обязанности университетских преподавателей и учащихся, лекции и испытания студентов, ученые степени и почетные звания. Руководил работой министерских чиновников и «академического сословия» председатель Ученого комитета А. С. Воронов, гордившийся, как и А. В. Головин, своими передовыми взглядами на систему просвещения и государственное устройство России [11, с. 172, 173].

Обратимся к более подробному освещению мнений и предложений наиболее видных представителей университетской науки, поступивших в Ученый комитет Министерства народного просвещения. В них содержались представления отечественных ученых о ключевых проблемах устройства, управления и порядка организации академической деятельности российских флагманов высшего образования. Воспользовавшись предоставленной им «полной свободой печатного слова по делам Министерства просвещения и учебным заведениям» [5, № 6, с. 71], университетские профессора откровенно высказывали свои мысли по наиболее важным проблемам, не сомневаясь в том, что их голоса будут услышаны. Однако, как мы уже заметили, слаженного хора из полифонии прозвучавших мнений не получилось. Выносившиеся на обсуждение профессионального сообщества предложения соответствовали не только идейным воззрениям, политическим ориентирам профессоров, но и их жизненному опыту, вобравшему в себя личные впечатления от многолетней преподавательской деятельности и тревожения, испытанные во время студенческих «бунтов» рубежа 50–60-х гг. Поэтому развернувшиеся в печати дебаты не являлись противопоставлением одних только либеральных или охранительно-консервативных взглядов ученых – они вскрывали свойственные их сознанию и образу жизни позиции по первостепенному для их мировоззрения в

целом вопросу о судьбе отечественных университетов как органической части российской истории и культуры.

Одной из краеугольных проблем, получивших освещение в процессе рассмотрения нового университетского устава, стала проблема предназначения отечественных университетов: с какой целью они создавались и существуют поныне; какие задачи в развитии общества и государства призваны решать; на каких основных принципах должно базироваться их устройство?

Как известно, университетский устав 1804 г. идентифицировал университет как «вышнее учебное сословие, для преподавания наук учрежденное. В нем приуготовляется юношество для вступления в различные звания государственной службы» [4, § 1, с. 23].

Из этого – прямо скажем – двусмысленного определения следует, что Императорские университеты создавались для подготовки государственных служащих, обладавших достаточной научной подготовкой в тех (предусмотренных уставом) сферах жизни, которые могли способствовать развитию российской державы. Вместе с тем, учащиеся в университете юноши были приписаны к высшему учебному сословию, что предполагало сочетание их обучения с приобщением к исследовательской деятельности, а следовательно, выдвигало в качестве приоритетного направления в организации учебного процесса изучение «чистых» (теоретических, умозрительных) наук.

В уставе 1835 г. отсутствуют дефиниции понятия «университет». Первый и второй параграфы определяют лишь организационную структуру университета (факультеты, совет, правление) и направления обучения, связанные с наличием трех факультетов (философского, юридического, медицинского), и только преамбула выражает намерение Николая I обратить «деятельность университетов наших на существенную пользу наук и публичного воспитания» [2, с. 37].

Таким образом, император со всей ясностью обозначил главные задачи существования университетов: научные и воспитательные, навязав этим высшим учебным заведениям государственную опеку в виде бдительного надзора за образом мыслей членов университетской корпорации в русле официальной идеологии и контроля за их благонадежным поведением.

Наличие двух предыдущих уставов как образцов университетского законодательства и двух взглядов самодержцев на сущность университетов определило формат и границы дискуссии о

предназначении этих ведущих академических центров России: они могли быть либо научно-образовательными, либо учебно-воспитательными учреждениями.

Первую точку зрения наиболее последовательно излагал профессор С.-Петербургского университета Н. И. Костомаров. Он был уверен в том, что университет должен служить прежде всего научно-образовательным целям и полностью отказаться от учебно-воспитательных. Для реализации этой цели он предлагал отменить звание студента и открыть университет для всех любознательных людей обоюбого пола, всякого возраста, достатка и звания. Н. И. Костомаров считал, что университету не следует быть школой для юношества – ему надо стать залом публичных лекций, посещение которых не налагает никаких других обязательств на профессора и его слушателей, кроме прагматично образовательных. Университет как культурное и просветительское учреждение для обоих участников образовательного процесса – это нейтральное место беседы. Превращение возникавших в ходе этого заинтересованного общения временных и случайных связей в корпоративные отношения, утверждал он, является чистым анахронизмом, заимствованным из европейского средневековья и порожденным «слепой подражательностью» русского народа. Широкий и разнородный контингент слушателей приведет к разрушению корпоративных связей внутри коллектива студентов, что сведет на нет все формы их солидарности и искоренит, таким образом, условия для протестного движения внутри университетов. Это заставит студентов заниматься одной лишь «чистой» наукой, и их увлечение политикой само собой иссякнет.

По мнению столичного профессора, целью учреждений, подобных университетам, должно быть отделение задачи распространения знаний от других вопросов, с решением ее не связанных, например, с нравственным воспитанием студентов или подготовкой специалистов для государственной службы. Тенденция смешивать приобретение знаний с их нравственной пользой, прежде сопровождавшая академические занятия, постоянно угрожает неограниченным бюрократическим вмешательством в образовательный процесс, а заманивание студентов в университетские аудитории сословными и служебными преимуществами подрывает авторитет науки, взамен порождая склонность учащихся к подчинению и

неискоренимую в России тягу к рангам [1, с. 155–168].

Рассуждения Н. И. Костомарова произвели большое впечатление. На его стороне оказалось много «литераторов», привлеченных «кажущейся новизной» его проекта [9, с. 43]. Идею «открытого университета», уничтожившего корпоративную организацию студентов, поддержали А. Н. Бекетов, М. И. Сухомлинов, на первых порах и А. В. Никитенко [6, с. 234, 251]; предложение сосредоточить университетскую программу исключительно на научных исследованиях – А. С. Воронов и профессор И. Е. Андреевский [24, с. 147]; положение ликвидировать служебные привилегии выпускников университета и профессоров – сам А. В. Головнин [12, с. 56]¹².

Вместе с тем немало университетских преподавателей, и среди них В. Д. Спасович, М. М. Стасюлевич, Б. Н. Чичерин – не находили возможным изолировать научно-образовательные задачи учебного процесса от идейно-воспитательных, так как видели предназначение всех высших учебных заведений и университетов, в том числе, и в развитии науки, и в просвещении общества, и в облагораживающем воздействии на студентов духовной атмосферы учебных аудиторий.

Б. Н. Чичерин в дерзкой и безкомпромиссной форме отверг проект Н. И. Костомарова, заклеив его «уничтожением высшего преподавания» [12, с. 53]. Он был непоколебим в представлении о том, что превращение студентов в «индивидуальных посетителей» приведет к перерождению университетов в места общественных развлечений, где вместо приобщения к научным исследованиям, привития уважения к упорному труду, приобретения духовных ценностей, у молодого поколения будут культивироваться недостатки «полузняка»: верхоглядство, безответственность, восприимчивость к ложным теориям, пренебрежение к твердым убеждениям и здоровым нравственным ориентирам [1, с. 341–363]. Кроме того, Б. Н. Чичерин не сомневался в том, что университеты нужны для подготовки профессиональной и бюрократической элиты, поэтому не видел возможности отменить «служебные привилегии университетского образования». Для этого потребовалось бы «пересоздать всю государственную службу», а поскольку в условиях сохранения сословной монархии и чиновной иерархии достичь подобной цели было невозможно без ущерба для авторитета академического сословия и университетов в целом, то и увлечение

этой идеей ему казалось бессмысленным: «При нашей служебной системе, – уверял он, – это будет только премией невежеству и открытием самых широких дверей протекции» [12, с. 56, 57].

С резкой критикой проекта «вольного университета» Н. И. Костомарова выступил и В. Д. Спасович, охарактеризовав его плодом «дешевого либерализма». «Этот проект, – отмечал он, – ... прельщал людей не очень разборчивых... тем, что он вводил бы преподавание безусловно даровое для учащихся. Он прельщал и правительство совершенным упразднением корпорации учащихся и введением полиции в самые аудитории; он подкупал профессоров освобождением их от всяких хлопот в сношениях с молодежью; наконец, он мог нравиться всем вообще необыкновенной простотой, с которой при этой системе разрубался бы гордиев узел многотрудного университетского вопроса». Воплощение этих безумных планов в жизнь приведет к тому, резюмировал В. Д. Спасович, что университеты окажутся «выброшенными на улицу», профессора превратятся в «наемных популяризаторов науки», а студенты станут «ежеминутно меняющейся публикой», жаждущей «занимательных» бесед [9, с. 41, 42].

Если поддержавшая Б. Н. Чичерина московская и столичная профессура отрицала необходимость противопоставления образовательных и воспитательных функций университетов, то преподаватели Московской духовной академии и влиятельный в правящих кругах граф С. Г. Строганов твердо отстаивали позицию о приоритетной роли воспитательных задач в организации учебного процесса университетов. Считая современные научные теории пропагандой материализма и социализма, они сомневались в необходимости сохранять в университетах ориентиры на исследовательскую деятельность. Гораздо привлекательней им казалось переводение университетов в разряд учебно-воспитательных заведений, своего рода «высших гимназий», находившихся под бдительным правительственным контролем [24, с. 147, 148]. Им представлялось вполне логичным вынесение ученой деятельности из стен университетов в академии, что позволило бы сосредоточить весь образовательный процесс на подготовке лояльных государственных чиновников и специалистов-профессионалов, в которых испытывала потребность Россия.

Как видно из приведенных материалов полемики, в научных и правительственных кругах не

существовало однозначного понимания сущности отечественных университетов, поэтому надо отдать должное Ученому комитету и его председателю А. С. Воронову, проявившим дальновидность и зрелость суждений при определении предназначения этих высших учебных учреждений. В третьем варианте проекта университетского устава университет был классифицирован как «ученое и высшее учебное заведение» [21, с. 73]. Следовательно, организация научной деятельности превращалась в его наиболее важный критерий, и приходится только сожалеть о том, что устав 1863 г. эту дефиницию университета не сохранил¹³.

Следующая по значимости проблема, стоявшая перед «ученым сословием», представителями общест­венности и правительственными чиновниками, принявшими участие в дискуссии о судьбе университетов, заключалась в выяснении их позиции по вопросу об управлении университетами. Определение взаимоотношений между государством, попечителями и университетами, установление полномочий профессорской корпорации, предоставление университетам свободы исследований и преподавания были главными направлениями дискурса, своим острием направленного на установление пределов университетской автономии и устранение административно-полицейского контроля над академическим укладом.

Все участники дебатов, принадлежавшие к профессорской среде, единодушно высказались за ограничение вмешательства государства в научную, учебную, хозяйственную и административную сферы деятельности университетов и ратовали за передачу университетским советам всех управленческих функций. Хотя расхождения в деталях были неизбежны, главными принципами управления университетами провозглашались:

– предоставление самостоятельности коллегиальным органам власти университетов в делах науки и преподавания;

– сосредоточение всех прерогатив по управлению университетами в руках профессорских советов; наделение правления, подотчетного совету, исполнительной властью; возложение контроля за осуществление самоуправления университетами на ректора;

– ограничение прав министра просвещения решать кадровые проблемы университетов, предоставив совету университета полномочия выбирать профессоров, утверждать их в ученых степенях, продлевать срок службы, руководить замещением кафедр;

– децентрализация механизма управления университетами; предоставление им возможности развиваться в соответствии с местными условиями.

Наибольшее количество дискуссий произошло при обсуждении полномочий попечителей учебных округов. Их неосведомленность в главных направлениях университетской жизни, научной и образовательной, а также мелочный контроль за работой профессоров, университетских органов самоуправления, поведением студентов пагубно влияли на взаимоотношения «учащих и учащихся», подрывали авторитет университетских коллегий, подвергали бюрократическому ограничению инициативы и самостоятельность преподавателей, сеяли недоверие общества к университетам.

Большинство профессоров С.-Петербургского университета предлагали отказаться от услуг попечителей как «государевых слуг» и полностью отстранить их от университетских дел. Московские профессора выступали за предоставление университетам права устанавливать самостоятельно, без каких-либо посредников, взаимоотношения с Министерством народного просвещения, а к помощи попечителя обращаться лишь в чрезвычайных ситуациях, имея на то согласие коллегиальных органов власти университета. Предложение профессоров Казанского университета сводилось к устранению попечителя от непосредственного управления университетом, но сохранению за ним прав контроля и утверждения наиболее значимых постановлений университетского совета. Ученые Харьковского университета не возражали против влияния попечителя на решение хозяйственных вопросов, но лишали его возможности вмешиваться во внутренние дела своего учебного заведения [23, с. 114].

Ни одно из этих предложений в их оригинальном виде не было принято ни при составлении проекта устава, ни при утверждении устава 1863 г. Сохранение зависимости университетского совета от попечителя и министра просвещения диктовалось не только тем, что в России «не хватало хорошо подготовленных профессоров», готовых взвалить на себя и выполнение образовательных функций, и осуществление управленческих обязанностей. Даже если к этому добавить «своеобразие, неповоротливость и неопытность советов профессоров» в решении встававших перед ними сложных задач [17, с. 320], то и это объяснение не позволит нам охватить всю сложность проблемы академического управления, вынуждавшую само-

державие не выпускать из своих рук рычаги государственной опеки университетов.

Бюрократические «наросты» в Императорских университетах были неизбежны потому, что их организационные принципы «не вписывались в рамки бюрократической иерархии. В основе их лежали выборное начало и коллегиальное управление, чуждые другим государственным учреждениям царской России» [22, с. 322]. Следовательно, самодержавие, санкционировавшее возникновение университетов и позволившее им развиваться, в недрах своей системы создало совершенно новый образец общественного устройства, основанный на выборных, подотчетных, сменяемых началах, где успех, карьера, слава человека определялись не его происхождением и чином, а личными достоинствами, авторитетом в профессиональном сообществе, персональными достижениями и талантом. Аналогов ему в истории России прежде не было. Новые критерии оценки личности и ее деятельности, новые ценности и идеалы, произрастающие в университетах, новые принципы существования академической корпорации: опора на научное знание, открытость научному поиску, связь с мировой университетской культурой – неизбежно приходили в противоречие с оттачивавшимися веками универсалиями самодержавного общественного и государственного порядка: неограниченной царской властью, принципами сословности, дворянских привилегий, незыблемости русской православной веры.

Неконтролируемые чиновниками университеты как воплощение самой смелой мечты о возможном будущем России таили опасность для российской монархии: одним своим существованием они подтачивали ее устои, бросали вызов ее незыблемому патриархальному укладу и отжившим свой век пережиткам.

Следовательно, сохраняя контроль за университетами, ограничивая их выборное и коллегиальное начала, борясь со свободой преподавания и науки, царизм невольно демонстрировал инстинкт самосохранения, продлевал возможности своего существования. Чередование политики реформ и контрреформ в «университетском вопросе», сохранение финансовой зависимости университетов от государственной казны, выполнение «государственного заказа» на подготовку правительственных чиновников, ограничительные меры по доступу в университеты¹⁴, надзор за процессом обучения, как и любые попытки бюрократизации университетов, были хорошо про-

думанскими самодержавием методами подавления и сдерживания в развитии очагов свободомыслия, символов прогресса, прибежищ науки – университетов. Поэтому контроль за ними в виде попечителей, инспекторов, педелей (надзирателей), полиции был неизбежен. Эти тенденции вмешательства в учебный и управленческий процессы в университетах, а также инспектирования финансовых и юридических факторов их деятельности со стороны имперских чиновников со всей силой инерции, присущей процессу государственного регулирования, сохранил как проект устава, так и – в еще большей степени – устав 1863 г. Постоянная апелляция к «идеологии порядка» не позволяла российскому государству признать полную автономию университетов и гарантировать им необходимые академические свободы.

Третьей крупной проблемой, поднятой в ходе дебатов по поводу нового университетского устава, стала проблема организации образовательной деятельности в университетах. Она вбирала в себя много вопросов: дальнейшая дифференциация наук и направлений обучения, порядок учреждения новых кафедр, специализация обучения, расширение научно-материальной базы факультетов, эффективные формы организации учебного процесса, повышение уровня преподавания, подготовка молодых научных кадров. Однако главный вопрос, вокруг которого кипели споры, был связан с определением статуса студентов университетов. Назвать этот вопрос праздным или несвоевременным не осмелился бы тогда никто: неповиновение университетской молодежи и студенческие демонстрации рубежной эпохи 50–60-х гг. бросали вызов не только власти правительства, но и всей профессорско-преподавательской корпорации, поэтому отношение к студенческому движению и формам студенческого самоуправления превращалось в главный индикатор выявления позиции каждого участника полемики по изменению характера учебного процесса в университетах.

Поступившие предложения располагались в широком диапазоне: от признания необходимости произвести коренные преобразования в самом типе русских университетов за счет превращения их в открытые учебные заведения до отрицания этой идеи как абсурдной и инициирования в противовес ей создания закрытых корпоративных высших научно-образовательных центров.

Печальные последствия студенческого произвола заставили многих профессоров поддержать

все действия властей, направленные на пресечение студенческих беспорядков. Кардинальным решением «студенческого вопроса» даже тем из них, кто был далек от радикализма «красных», казалась реализация проекта «открытых университетов», так как его отличительной чертой была борьба со студенческими корпорациями. Их считали «рассадниками» свободомыслия студентов и главными виновниками зарождения неповиновения властям. В ликвидации свойственных всем корпорациям, в том числе и студенческой, единства действий, «общего духа», схожих убеждений и однотипных интересов сторонники идеи Н. И. Костомарова видели панацею от тех болезней, которые породила «оттепель» начала царствования Александра II: раскрепощенность студентов, их нигилизм, стремление в организованной борьбе отстаивать свои академические интересы.

Противники Н. И. Костомарова, разделяя мнение своих университетских коллег о вредности студенческих беспорядков и академическим занятиям, и судьбе университетов в целом, все же выражали сомнение в том, что с уничтожением студенческих корпораций исчезнет и сама почва для противоправных действий учащейся молодежи. И произошедший в «Вольном университете» С.-Петербурга¹⁵ в марте 1862 г. инцидент, участниками которого оказались Н. И. Костомаров и вольнослушатели, подтвердил это опасение – профессору, который не желал «угождать пустому либеральничанью» студентов и превращать занятия наукой в «зрелища и демонстрации», пришлось услышать в свой адрес от добровольно собравшейся на его занятие заинтересованной, казалось бы, в результатах обучения молодежи «крики, свист, ругательства», а позже еще и получить «ругательные письма» и угрозы быть избитым [6, с. 263; 273; 605, прим. 202; 608, прим. 209].

В. Д. Спасович считал, что открытый «настежь» университет лишь создаст дополнительные благоприятные возможности для участия студентов в публичных демонстрациях. Б. Н. Чичерин – главный оппонент Н. И. Костомарова – уверял, что только сохранение замкнутой студенческой корпорации, сосредоточенной на образовательной деятельности, может спасти учащуюся молодежь от развращающего влияния общественной среды. М. М. Стасюлевич, М. Н. Катков, П. М. Леонтьев настаивали на том, что профессорам и студентам следует объединиться в общую корпорацию, в особое университетское сословие, спаянное определенными правами и обя-

занностями. В сближении «учащих и учащихся» они видели лучшее средство защиты университетов от «деморализации», обеспечивавшее к тому же преемственность «преданий» (то есть традиций) университетской жизни и восстановление нравственного влияния профессоров на студентов [23, с. 126, 127].

Н. И. Пирогов и С. М. Соловьев не представляли возможным без позитивных изменений общественно-политического уклада жизни России осуществить какие-либо радикальные перемены в нравственном климате университетов, потому что они являлись наиболее чутким барометром состояния дел, происходивших за пределами учебных аудиторий. Тесно связанные с вольнолюбивыми настроениями современного общества, университеты были обречены отражать все его коллизии [7, с. 75, 76; 21, с. 70].

Мы видим, что для противодействия студенческому движению профессорско-преподавательская среда предлагала разнообразные рецепты, поэтому Ученый комитет без излишних колебаний был вынужден отобрать только такие предложения, которые не потребовали бы применения чрезмерных усилий для их проведения в жизнь и не превратились бы в бесплодное прожектерство. Наиболее легким для исполнения, дешевым и «бескровным» по последствиям выглядел совет о возвращении нравственного авторитета «ученому сословию», на которое возлагалась ответственность за восстановление разрушенного уставом 1835 г. доверия между профессорской коллегией и студенческой аудиторией. В теории расчет заключался в том, что, возродив утраченное ранее доверие, коллектив профессоров сможет убедить студентов в недопустимости совершать недостойные поступки и договориться с ними о решении всех спорных вопросов в процессе диалога при помощи специально избравшегося для осуществления функции миротворца проректора.

Незначительные проступки студентов планировалось рассматривать в подотчетном совету суде, который должен был прийти на смену произволу инспектора. Восстановив этими мерами доверие студентов к преподавателям, составители проекта устава надеялись на искоренение всех причин для выражения недовольства в учебных аудиториях.

Наивность и полный провал этих иллюзорных планов покажут уже события конца 60–70-х гг., которые обозначают проблему дисциплины студентов главной точкой отсчета при разработке

всех новых инструкций и законов в отношении университетов. Любые способы «налаживания мостов» между профессорско-преподавательским коллективом и студенчеством университетов были возможны только в одном случае: если бы студенты видели свою миссию исключительно в том, чтобы молча слушать лекции, с готовностью приобщаться к науке, честно получать дипломы, используя приобретенные знания в своей дальнейшей педагогической, медицинской, юридической, управленческой деятельности. Однако формирование внутри университетов особой студенческой субкультуры, чуждой профессорам, с одной стороны, и вовлеченность университетской молодежи в общественно-политическое движение второй половины XIX в. – с другой, постоянно создавали отношения конфронтации «учащих и учащихся», государства и универсантов, поэтому конфликты студентов с университетской администрацией, правительственными чиновниками – попечителями и инспекторами – и даже с преподавателями, препятствовавшими разрушению университетских устоев, были неизбежны.

В ходе обсуждения поступивших в Ученый комитет материалов большой интерес вызвал проект изменения учебного процесса университетов по немецкой модели «Lernfreiheit und Lehrfreiheit». Эта «система свободного обучения для учащихся и преподавателей» [7, с. 320, прим.] предполагала бросить вызов всем формам принудительного труда, прежде обременявшим студентов и провоцировавшим их оппозицию университетской администрации: отказаться следовало от обязательного посещения лекций, необходимости сдавать курсовые (переводные) экзамены. Ограничение университетского курса четко определенным сроком и надзор за поведением учащихся тоже рассматривались анахронизмом, нарушавшим жизненные планы и возможности студентов. Они как члены особого студенческого корпуса должны были получить права свободного выбора профессоров и предметов изучения.

Столь радикальные перемены в образовательном процессе могли, по мнению заинтересованных во внедрении немецкой модели обучения профессоров, положительно сказаться на результатах учебной деятельности студентов: заинтересовать их приобщением к науке, пробудить в молодежи желанную самостоятельность, повысить их инициативность и сознательность, породить ответственность за сделанный выбор и достигну-

тые результаты. Кроме академических задач, идея «свободы учения», как предполагали ее адепты, могла бы способствовать возрождению благоприятного нравственного климата в университетах, в частности, – восстановить доверие студентов к профессорской корпорации, а самим учащимся позволить занять более независимое положение в «академическом сословии».

Профессора, принявшие концепцию «свободы учения» целиком или в отдельных, наиболее привлекательных для них аспектах (Н. М. Благовещенский, Н. А. Любимов, Н. И. Пирогов), не могли не понимать, что пропагандой этой системы они бросают вызов Министерству народного просвещения, утверждавшему учебные планы и программы изучения предметов, устанавливавшему продолжительность обучения, определявшему количество стипендий и премий студентам по результатам их ежегодной аттестации, назначавшему попечителей как соглядатаев за университетским самоуправлением. Неосуществимость даже в отдаленной перспективе этих надежд для многих профессоров, приступивших к выполнению своих учебных обязанностей в 40–50-е гг., была очевидной, поэтому сам факт появления таких, казалось бы, утопических проектов, переносивших привычный университетский быт, свидетельствовал о наличии внутри «ученой корпорации» неконформистских настроений долгое время проводившейся политике правительства в «университетском вопросе».

Противники «свободы учения» не обольщались иллюзиями существования идеальных студентов, изъявлявших постоянную готовность учиться добровольно, без нажима, присмотра и контроля, способных самостоятельно, без подсказки авторитетов, выбрать свой образовательный «маршрут», грамотно расставить акценты в предлагавшихся им учебных программах. Они опасались того, что аудитории сразу опустеют, как только обязательность посещения занятий отпадет. Здравомыслящие профессора, отталкиваясь от опыта проведенных на университетских кафедрах лет, были уверены в том, что без принуждения студенты не будут готовиться к занятиям и предадутся праздности, чреватой для них самыми плачевными последствиями. Используя эти аргументы, профессора Казанского университета предлагали сохранить все отлаженные формы учебного процесса (лекции и переводные экзамены) хотя бы на младших курсах, а самостоятельность в выборе занятий и преподавате-

лей предоставить исключительно старшекурсникам [8, с. 415; 23, с. 120–125].

После оценки мнений о «свободе учения», Ученый комитет, повинувшись «духу времени», пошел навстречу ряду передовых и смелых предложений профессоров, изложив в проекте университетского устава наиболее доступные для практического применения инициативы: отмену переводных экзаменов и жестких сроков окончания процесса обучения в университетах [21, с. 73]. Но и эти, далеко не самые скандальные перемены университетских порядков, спровоцировали критику скептически настроенных публицистов. Так, редакция «Отечественных записок», сомневаясь в успешных перспективах коренных реформ университетов, отмечала: «Самостоятельные университетские корпорации, свобода науки, свобода преподавания, свобода слушания лекций – все это только идеалы, о которых позволительно мечтать, но которые не исключают обязанности помнить, на какой почве мы стоим, в чем нуждаемся, какими влияниями окружены» [23, с. 135].

Завершая обзор мнений участников дискуссии по «университетскому вопросу», напомним, что на изучение всех поступивших в Комиссию А. С. Воронова предложений и замечаний по поводу проекта нового университетского устава, ушло четыре месяца – рассмотреть и отобрать наиболее ценные инициативы в пестрой палитре мнений было непросто. К тому же Ученый комитет не только подправлял предшествующий проект, разработанный в Комиссии Е. Ф. фон Брадке, а коренным образом его перерабатывал. В результате предпринятых усилий появился совершенно новый вариант университетского законодательства, который позволял создать благотворные условия для обновления и дальнейшего совершенствования университетского образования в России.

Авторы нового проекта предлагали усилить научный компонент университетского образования, придать учебному процессу более гибкие формы, укрепить принципы самоуправления университетов, поднять статус профессорско-преподавательской корпорации, расширить штаты для восполнения пробелов в университетском образовании.

В декабре 1862 г. результаты работы Ученого комитета были оценены Главным правлением училищ Министерства народного просвещения. Оно откорректировало вопрос о плате за обучение в университетах, внесло запрет на предла-

гавшееся посещение лекций женщинами, усилило полномочия совета профессоров по противостоянию студенческим беспорядкам, расширило права попечителя.

После этих коррективов А. В. Головнин предоставил проект устава на рассмотрение Александру II. Император оказался им недоволен, но, не имея четкой позиции по реформированию университетов, предложил проинспектировать готовые материалы еще одной комиссии. Ее по Высочайшему повелению возглавил граф С. Г. Строганов. В комиссию вошли: министр внутренних дел П. А. Валуев, шеф жандармов князь П. В. Долгоруков, управляющий II Отделением царской канцелярии барон М. А. Корф, обер-гофмейстер барон П. К. Мейендорф, военный министр Д. А. Милютин, министр просвещения А. В. Головнин.

Состав комиссии красноречиво свидетельствовал о том, какие цели на нее возлагались, и подсказывал, какие аспекты предстоявших преобразований в университетах с особой тщательностью будут подвержены ревизии. Действительно, все самые худшие ожидания оправдались. От радикальных и прогрессивных идей проекта А. С. Воронова не осталось и следа. Участники обсуждений проекта в печати – заинтересованные в переменах профессора и публицисты – немедленно превратились в мечтателей-утопистов, прожектеров-авантюристов.

Главные поправки Строгановской комиссии сводились к ограничению самоуправления университетов. Вмешательство попечителя в процесс управления университетом коллегиальными органами власти – советом и правлением – восстанавливалось. Совет лишался независимости даже в осуществлении основных его функций – научной и образовательной. Большинство хозяйственных и студенческих дел передавалось правлению, под отчетному не совету, а попечителю и ректору. Министру просвещения предоставлялась прерогатива назначать профессоров на освободившиеся кафедры. Строгость правил, суживавших права студентов, усиливалась. Запланированные государственные ассигнования на содержание университетов сокращались [21, с. 75–77].

В феврале 1863 г. этот вариант проекта – уже четвертый по счету – после его одобрения Советом министров вновь передали в Главное правление училищ для внесения окончательных поправок.

Далее предстояло согласовать предлагавшиеся изменения факультетов, связанные с планирова-

шимся расширением направлений обучения, заявившимся учреждением новых кафедр, обещавшимся укреплением материально-технической базы университетов, а также требовавшимся для усовершенствования учебного дела увеличением штатного расписания, с министром финансов. Это тоже оказалось непросто. М. Х. Рейтерн, хотя и состоял в приятельских отношениях с А. В. Головинным, оказался глух к потребностям университетов и, ссылаясь на «крайне расстроенное положение государственных финансов», предложил ему исключить из штатных средств расходы на развитие науки (отнеся их на счет специальных средств университетов), сократить проектировавшуюся прибавку профессорских жалованья и пенсий, провести значительную отсрочку – с 1867 г. – во введении новых штатов на вновь создававшиеся кафедры и с 1865–1866 гг. – во внесении дополнительных сумм «на учебные пособия и хозяйственные нужды университетов» [5, № 2, с. 106; № 5, с. 100, 101]¹⁶.

А. В. Головнину пришлось пойти на эти уступки, а позже, когда проект устава и штатов пяти университетов (Московского, С.-Петербургского, Казанского, Киевского, Харьковского) обсуждался на трех заседаниях Соединенных департаментов законов и экономии Государственного совета, согласиться на сокращение еще ста тысяч рублей, ранее закладывавшихся в смету на увеличение материальных средств университетов и содержание их профессорско-преподавательского состава.

При представлении проекта университетского устава Государственному совету А. В. Головин впервые получил возможность выразить отношение к перспективам реформирования университетов и объяснить свое видение причин «неудовлетворительного положения» дел в них. Он выделил пять причин, которые, по его мнению, самым отрицательным образом сказывались на их состоянии и привели, в конечном итоге, к упадку университетского образования: недостаток «хороших профессоров»; равнодушие ученого сословия к научной, воспитательной, управленческой деятельности; несовершенство научно-технической базы университетов; слабая подготовленность выпускников гимназий к обучению в университетах; недостатки в организации академического учебного процесса.

Наиболее важной причиной обнаружившихся ошибок и упущений в работе университетов А. В. Головин назвал их неуккомплектованность

квалифицированными научными и преподавательскими кадрами.

Лишившись после 1848 г. возможности приглашать на открывавшиеся вакансии зарубежных ученых, университеты могли рассчитывать только на собственные силы. Но условия подготовки национальных научных кадров оказались слишком ограниченными: Дерптский профессорский институт, сделав всего два выпуска, в 1838 г. был закрыт [15, с. 75]; командировки за границу для «подготовки к профессорскому званию» до 1856 г. были запрещены; чрезмерные сложности испытаний на ученые степени отбивали охоту молодых ученых заниматься наукой. Вследствие названных ограничений и сбоев в подготовке и смене профессорско-преподавательского корпуса многие кафедры оказались незамещенными или замещались людьми, «не имевшими ни требуемых уставом ученых степеней, ни надлежащей научной подготовки, ни педагогической опытности» [5, № 2, с. 103–105].

К этому следует добавить «ограниченность профессорских окладов», что превратило преподавательский труд в непрестижный вид деятельности, поэтому профессора или «обращались к разным посторонним занятиям для увеличения своих материальных средств», или занимались поиском новых, более прибыльных видов заработка, если они в большей степени, чем «поприще ученое», обеспечивали удовлетворение их насущных потребностей.

«Ученое сословие», стесненное гнетом материальной нужды, теряло интерес и к науке, и к жизни университетов. Его равнодушие к делам университетской корпорации подогревалось еще и ограничением университетской автономии: отстранением профессоров от процессов принятия решений, обсуждений организационных и профессиональных проблем. Не неся никакой ответственности за управление, порядок, дисциплину в университетах, возложенных уставом 1835 г. на попечителя, инспектора студентов и правление, профессора начинали больше дорожить «побочными занятиями, нежели своей службой при университете».

В организации учебного производства тоже было немало просчетов, негативно влиявших на престиж университетского образования. В университет нередко принимали слабо подготовленных «к слушанию лекций» юношей, что заставляло «профессоров обращаться... в гимназических преподавателей» и забывать о своем предназначении быть исследователями и распростра-

нителем научных достижений. Чрезмерное разномыслие программы обучения студентов¹⁷ влекло за собой «необходимость жертвовать основательностью знания», что, в свою очередь, порождало и «большую снисходительность при испытаниях». Потому-то ученая степень кандидата и звание действительного студента многими стали приобретаться с непростительной легкостью, что обесценивало присущие процессу постижения знания кропотливость и усердие, развивая в юношестве праздность, самонадеянность, превратные убеждения.

Отсутствие контактов с зарубежными учеными и научными центрами также не позволяло совершенствовать процесс обучения, идя вровень с ними, а «скудость учебных пособий», то есть научно-технических средств обучения, содействовала снижению качества знаний студентов.

А. В. Головнин обратил внимание и на то, что в последние годы университеты работали в неблагоприятных «внешних» обстоятельствах, когда на молодежь воздействовали «общее волнение умов, неизбежное во время коренных общественных реформ, отрицательное направление... литературы и разные политические и социальные пропаганды», поэтому он выразил уверенность в том, что новый университетский устав выполнит роль заслона, отвращающего студентов от участия в «беспорядках», и к тому же создаст благотворные условия для «надлежавшего пути развития высшего университетского образования». К их числу он относил возвращение университетам «самостоятельности в делах их внутреннего управления»; «усиление ученых и учебных средств», удовлетворявшее требованиям современной науки; укрепление «ученых коллегий»; «побуждение» студентов добросовестно исполнять их обязанности; соединение «наставников... крепкими узами с учащимися» [5, № 2, с. 103–105].

Соединенные департаменты Государственного совета услышали в речи А. В. Головина только призыв оградить университеты от неблагоприятного воздействия среды, поэтому предложили ввести богословие в числе обязательных учебных дисциплин на всех факультетах, хотя в предыдущих вариантах проекта устава богословию не находилось места среди предметов обучения, и усилить меры надзора за выполнением студентами учебных обязанностей.

Заботу министра просвещения о повышении качества образовательных услуг представители имперской бюрократии не разделили. В их резолюции по проекту университетского устава про-

звучали требования сократить государственное финансирование на содержание университетов и лишить профессорские советы возможности распоряжаться бюджетными ассигнованиями.

В начале лета 1863 г. проект устава поступил на обсуждение общего собрания высшего законодательного органа России – Государственного совета, где его подвергли новой «эзекуции». Большинство министров и управляющих министерствами, придворных императорской свиты и членов правящей семьи, составлявших это высшее государственное учреждение, в силу своего особого происхождения, имущественного и образовательного ценза¹⁸, плохо представляли истинное положение дел в сфере просвещения и в вопросе университетского образования могли руководствоваться исключительно идейными убеждениями и потребностями сохранить стабильность государства. Неудивительно поэтому, что для многих из них дифференциация отраслей наук и создание новых кафедр выглядели явными «излишествами», а расширение университетских штатов – безумством, которого можно было бы избежать, заставив каждого преподавателя, как это уже было в XVIII в., обязать читать сразу по два предмета. В духе обскурантизма николаевских времен члены Государственного совета указали на недопустимость посещения университетских аудиторий женщинам, а также снижения или отмены платы за получение высшего образования, объяснив это «вредным послаблением».

Кроме того, они рекомендовали А. В. Головнину незамедлительно разработать более жесткие карательные меры за нарушение университетского устава. Министр просвещения был вынужден согласиться и с этими требованиями, пообещав обозначать их в специальном циркуляре попечителям учебных округов и оформить его приложением к тексту устава [21, с. 79, 80].

18 июня 1863 г. «хождение по мукам» нового университетского устава, наконец, закончилось. В этот день он был подписан Александром II, а следовательно, приобрел ту юридическую силу, которая позволила ему на ближайшие двадцать лет стать новым законом существования главных научных и учебных центров высшего образования России – Императорских университетов.

Подведем итоги.

Подготовка реформы российских университетов растянулась более чем на пять лет. Ни один университетский устав еще не разрабатывался в такие долгие сроки и ни один из них не претерпел на этапе обсуждения такого количества из-

менений, как устав 1863 г. Он был принят только в пятой редакции. Поправки проекта устава заметно истончили его либеральную сущность: университеты не получали в итоге ни полной автономии, ни бесконтрольной самостоятельности в организации академического процесса, ни «свободы учения», на что рассчитывала наиболее радикально настроенная часть отечественной профессуры. По новому закону своего существования университеты уже не могли гордиться и своим наукообразующим компонентом: за ними закреплялись только просветительские, учебно-воспитательные и репродуктивно-кадровые функции. Самые смелые инициативы, оригинальные идеи и замыслы, озвученные в ходе дискуссии по «университетскому вопросу» конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в., были отторгнуты в результате многочисленных согласований и внесения существенных коррективов в наиболее перспективные варианты проекта. Такие ключевые позиции проектов Комиссий Г. А. Щербатова и А. С. Воронова, как роль попечителя и правовое положение студенческой корпорации, в ходе многократных и значительных переработок были изменены до неузнаваемости и вошли в устав 1863 г. в сильно урезанном и искажающем либеральную идеологию виде, хотя от своевременного рассмотрения этих вопросов зависело будущее университетов России. В связи с этим следует согласиться с американским историком С. Д. Кэссоу, охарактеризовавшим устав 1863 г. «упущенной возможностью определить прерогативы русских университетов и обеспечить им хотя бы некоторую стабильность» [17, с. 328].

Ни один из историков и публицистов XIX в., не скрывая своей разочарованности от содержания главного документа университетской жизни, не назвал устав 1863 г. либеральным. Б. Н. Чичерин оценил его «плодом здравого консервативного направления» [12, с. 57], а публицист М. М. Филиппов откровенно представил его «шагом назад по сравнению с первоначальным проектом» и, выражая свое иронично-пренебрежительное отношение к незрелому плоду несогласованных усилий «разношерстных» реформаторов, взял в кавычки слово «либеральный», подчеркнув условность этого определения [26, с. 89].

Обсуждение проекта университетского законодательства показало, что находившийся в разработке текст документа не являлся выражением четкой позиции ни императора, ни правительственных чиновников, ни университетской корпо-

рации. Тем не менее, попытки его перманентного «обновления» и «усовершенствования» в процессе многолетнего редактирования не были безнадежно напрасными. Окончательный вариант все же вобрал в себя некоторые идеи, направленные на развитие университетского уклада жизни и укрепление положения «академического сословия», о чем сообщил П. Н. Миллюков: «Новая учебная система до некоторой степени сообразовывалась с высказанными... желаниями общества» [18, с. 357].

Из предложений примерного проекта устава, выработанного в С.-Петербургском университете под руководством Г. А. Щербатова, был взят ориентир на сокращение полномочий попечителей учебных округов, отстранявшихся от непосредственного управления университетами; из решений Комиссии Е. Ф. фон Брадке – рекомендации по созданию новых кафедр, упрощению контроля за поведением студентов, включению в состав «ученого сословия» дополнительных категорий преподавателей: доцентов и приват-доцентов. Расширенный состав Ученого комитета под председательством А. С. Воронова обогатил законотворческий процесс в отношении университетов предложениями об увеличении сроков академического обучения, облегчении процедуры подготовки молодых ученых, восстановлении разрушенных механизмов воспитательного воздействия на учащуюся молодежь со стороны коллегии профессоров. Комиссия под предводительством С. Г. Строганова внесла поправки в раздел устава, регулировавший взаимоотношения университетов с государством, урезав демократические принципы управления университетами. В уставе нашлось место даже инициативе Н. И. Костомарова перевести студентов в разряд «отдельных посетителей» университетов, не имевших никаких корпоративных прав, кроме права получать высшее образование.

Следовательно, проект устава уже не был «слепым, необдуманном заимствованием европейских образцов – он опирался на историю русского образования... основывался на прямых указаниях нашего исторического опыта ... прошлого наших университетов» [28, с. 46, 47].

Затяжной процесс разработки нового университетского устава воочию убедил нас в том, что проведение в России грандиозных реформ (и в сфере высшего образования, в том числе) наталкивалось не только на произвол и консерватизм правящей элиты. Поскольку в Российской империи не было единого законодательного органа –

парламента, то и отсутствовали строгие процессуальные нормы, регламентировавшие процедуру обсуждения и принятия законов. Громоздкий, непредсказуемый и зависевший в конечном итоге от воли императора процесс появления новых правовых положений создавал благодатные возможности для использования обходных тактических маневров, затягивавших обсуждение законопроектов, а на этапе их утверждения – «размывания» их наиболее принципиальных положений. В этом мы убедились, восстановив путь превращения проекта университетского устава в сам устав. Следует также обратить внимание и на то, что наличие противников реформ внутри Министерства народного просвещения и «ученого сословия» университетов, фракционная борьба в Совете министров и Государственном совете [20, с. 49, 67], как и бюрократические проволочки, влияли на интенсивность темпов и результативность процесса выработки и проведения в жизнь новых юридических норм. Об этом явно свидетельствует многоступенчатая и длительная процедура разработки университетской реформы 60-х гг.

Хотя подготовленный текст устава университетов не вобрал в себя самые заманчивые для преподавателей и студентов идеи его многочисленных авторов и редакторов, работа над ним стала воплощением политики гласности «в самых широких размерах» [18, с. 357], так как впервые в истории России принятию университетского законодательства предшествовало широкое общественное обсуждение. Дискуссии, развернувшиеся в печати, как и появление проблемы студенчества, активизировали работу правительства по разработке устава, особенно заметную в конце 1861–1862 гг. Кроме того, именно общественное обсуждение и студенческий вопрос стали знаковыми событиями второй половины XIX в.: они указывали на фундаментальные изменения, произошедшие в университетском «деле» со времени принятия предыдущих уставов 1804 и 1835 гг. В дальнейшем университетская политика все больше и больше будет являться «отражением сложного взаимодействия... студенческого движения, позиций профессорско-преподавательского состава и внутриправительственных дебатов» [17, с. 325], и началом поиска компромисса между этими – порой полярными – силами следует считать процесс рассмотрения устава Императорских российских университетов 1863 г.

Библиографический список

1. Замечания на проект общего устава Императорских российских университетов : в 2 т. – СПб., 1863.
2. Июля 26-го 1835 года Высочайше утвержденный общий устав Императорских российских университетов // Соловьев И. М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. – Вып. 1. Университеты до эпохи шестидесятых годов. – СПб., 1914. – С. 37–46.
3. Общий устав Императорских российских университетов // Университетский устав 1863 года. – СПб., 1863. – С. 1–43.
4. Университетский устав 5 ноября 1804 года // Соловьев И. М. Русские университеты в их уставах... – С. 23–36.
5. Головин А. В. Записки для немногих // Вопросы истории. – 1997. – № 1. – С. 98–119; 1997. – № 2. – С. 96–114; 1997. – № 5. – С. 95–123; 1997. – № 6. – С. 68–84.
6. Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. – Т. 2. 1858–1865. – М., 1955.
7. Пирогов Н. И. Университетский вопрос. – СПб., 1863.
8. Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. – СПб., 1902.
9. Спасович В. Д. Пятидесятилетие Петербургского университета // Спасович В. За много лет. 1859–1871: Статьи, отрывки, история, критика, полемика, судебные речи и проч. – СПб., 1872. – С. 1–44.
10. Университетский устав 1863 года. – СПб., 1863.
11. Феоктистов Е. М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848–1896 / Ред. и прим. Ю. Г. Оксмана. – Л., 1929.
12. Чичерин Б. Н. Воспоминания. Московский университет / Под ред. С. В. Бахрушина, М. А. Цявловского. – М., 1929.
13. Бастракова М. С., Павлова Г. Е. Наука: власть и общество // Очерки русской культуры XIX века: в 6 т. – Т. 2. Власть и культура. – М., 2000. – С. 329–394.
14. Бороздин И. Н. Университеты в России в эпоху 60-х годов // История России в XIX веке. Эпоха реформ. – М., 2001. – С. 376–401.
15. Высшее образование в России: Очерки истории до 1917 года / Под ред. В. Г. Кинелева. – М., 1995.
16. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М., 1978.
17. Кэссоу С. Д. Университетский устав 1863 г.: новая точка зрения // Великие реформы в России. 1856–1874 / Под ред. Л. Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. – М., 1992. – С. 317–334.
18. Милюков П. Очерки по истории русской культуры. – Ч. 2. Церковь и школа (вера, творчество, образование). – 4-е изд. – СПб., 1905.
19. Петров Ф. А., Гутнов Д. А. Российские университеты // Очерки русской культуры XIX века. –

Т. 3. Культурный потенциал общества. – М., 2001. – С. 124–199.

20. Рибер А. Дж. Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ // Великие реформы в России. 1856–1874. – С. 44–72.

21. Эймонтова Р. Г. Революционная ситуация и подготовка университетской реформы в России // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. / Под ред. М. В. Нечкиной. – М., 1974. – С. 60–80.

22. Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической. – М., 1985.

23. Эймонтова Р. Г. Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века. – М., 1993.

24. Эймонтова Р. Г. Университетский вопрос и русская общественность в 50–60-х годах XIX в. // История СССР. – 1971. – № 6. Ноябрь, декабрь. – С. 144–158.

25. Эймонтова Р. Г. Университетская реформа 1863 г. // Исторические записки / Отв. ред. А. Л. Сидоров. – М., 1961. – С. 163–196.

26. Филиппов М. М. Реформа гимназий и университетов. – СПб., 1901.

27. Хабеев Т. Н. Социально-политические основания образовательных реформ в России с древнейших времен до XXI века : автореф. ... д-ра пед. наук. – Н. Новгород, 2012.

28. Якушкин В. Из истории русских университетов в XIX веке // Вестник воспитания: Научно-популярный журнал / Под ред. Н. Ф. Михайлова. – М., 1901. – № 7. Октябрь. – С. 34–58.

Bibliograficheskiy spisok

1. Zamechaniya na projekt obshhego ustava Imperatorskikh rossijskikh universitetov: v 2 t. – SPb., 1863.

2. Iyulya 26-go 1835 goda Vysochajshe utverzhdennyj obshhij ustav Imperatorskikh rossijskikh universitetov // Solov'yov I. M. Russkie universitety v ikh ustavakh i vospominaniyakh sovremennikov. – Вып. 1. Universitety do ehpokhi shestidesyatykh godov. – SPb., 1914. – С. 37–46.

3. Obshhij ustav Imperatorskikh rossijskikh universitetov // Universitetskij ustav 1863 goda. – SPb., 1863. – С. 1–43.

4. Universitetskij ustav 5 noyabrya 1804 goda // Solov'yov I. M. Russkie universitety v ikh ustavakh... – С. 23–36.

5. Golovnin A. V. Zapiski dlya nemnogikh // Voprosy istorii. – 1997. – № 1. – С. 98–119; 1997. – № 2. – С. 96–114; 1997. – № 5. – С. 95–123; 1997. – № 6. – С. 68–84.

6. Nikitenko A. V. Dnevnik: v 3 t. – Т. 2. 1858–1865. – М., 1955.

7. Pirogov N. I. Universitetskij vopros. – SPb., 1863.

8. Rozhdestvenskiy S. V. Istoricheskij obzor deyatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshheniya. 1802–1902. – SPb., 1902.

9. Spasovich V. D. Pyatidesyatiletie Peterburgskogo universiteta // Spasovich V. Za mnogo let. 1859–1871: Stat'i, otryvki, istoriya, kritika, polemika, sudebnye rechi i proch. – SPb., 1872. – С. 1–44.

10. Universitetskij ustav 1863 goda. – SPb., 1863.

11. Feoktistov E. M. Vospominaniya. Za kulisami politiki i literatury. 1848–1896 / Red. i prim. YU. G. Oksmana. – L., 1929.

12. Chicherin B. N. Vospominaniya. Moskovskij universitet / Pod red. S. V. Bakhrushina, M. A. Tsyavlovskogo. – М., 1929.

13. Bastrakova M. S., Pavlova G. E. Nauka: vlast' i obshchestvo // Ocherki russkoj kul'tury XIX veka: v 6 t. – Т. 2. Vlast' i kul'tura. – М., 2000. – С. 329–394.

14. Borozdin I. N. Universitety v Rossii v ehpkhu 60-kh godov // Istoriya Rossii v XIX veke. EHpkha reform. – М., 2001. – С. 376–401.

15. Vysshee obrazovanie v Rossii: Ocherki istorii do 1917 goda / Pod red. V. G. Kinelyova. – М., 1995.

16. Zajonchkovskij P. A. Pravitel'stvennyj apparat samodержavnoj Rossii v XIX v. – М., 1978.

17. Kehssou S. D. Universitetskij ustav 1863 g.: novaya tochka zreniya // Velikie reformy v Rossii. 1856–1874 / Pod red. L. G. Zakharovoj, B. EHklofa, Dzh. Bushnella. – М., 1992. – С. 317–334.

18. Milyukov P. Ocherki po istorii russkoj kul'tury. – CH. 2. TSerkov' i shkola (vera, tvorchestvo, obrazovanie). – 4-e izd. – SPb., 1905.

19. Petrov F. A., Gutnov D. A. Rossijskie universitety // Ocherki russkoj kul'tury XIX veka. – Т. 3. Kul'turnyj potentsial obshhestva. – М., 2001. – С. 124–199.

20. Riber A. Dzh. Gruppovye interesy v bor'be vokrug Velikih reform // Velikie reformy v Rossii. 1856–1874. – С. 44–72.

21. EHjmontova R. G. Revolyutsionnaya situatsiya i podgotovka universitetskij reformy v Rossii // Revolyutsionnaya situatsiya v Rossii v 1859–1861 gg. / Pod red. M. V. Nechkinov. – М., 1974. – С. 60–80.

22. EHjmontova R. G. Russkie universitety na grani dvukh ehpokh. Ot Rossii krepostnoj k Rossii kapitalisticheskij. – М., 1985.

23. EHjmontova R. G. Russkie universitety na putyakh reformy: shestidesyaty gody XIX veka. – М., 1993.

24. EHjmontova R. G. Universitetskij vopros i russkaya obshchestvennost' v 50–60-kh godakh XIX v. // Istoriya SSSR. – 1971. – № 6. Noyabr', dekabr'. – С. 144–158.

25. EHjmontova R. G. Universitetskaya reforma 1863 g. // Istoricheskie zapiski / Отв. ред. А. Л. Сидоров. – М., 1961. – С. 163–196.

26. Filippov M. M. Reforma gimnazij i universitetov. – SPb., 1901.

27. KHabeev T. N. Sotsial'no-politicheskie osnovaniya obrazovatel'nykh reform v Rossii s drevnejshikh vremen do XXI veka: avtoref. ... d-ra ped. nauk. – N. Novgorod, 2012.

28. YAkushkin V. Iz istorii russkikh universitetov v XIX veke // Vestnik vospitaniya: Nauchno-populyarnyj

zhurnal / Pod red. N. F. Mikhajlova. – M., 1901. – № 7. Oktyabr'. – S. 34–58.

¹ Неоднократно цитировавшиеся нами А. В. Никитенко и Б. Н. Чичерин оставили немало высказываний о сущности общественно-политических учений, направлений и движений второй половины XIX в. В частности, Б. Н. Чичерин дал любопытную характеристику российского либерализма. Он выделил три вида либерализма: уличный, «который умеет только ругаться», оппозиционный, «который ограничивается одною критикою», и охранительный, который примирял «начала свободы с началами власти закона». Являясь сторонником охранительного либерализма, он изложил его политическую программу: предоставление обществу самостоятельной деятельности, обеспечение гарантий прав и защиты личности граждан, охрана свободы мысли, слова, совести, сохранение сильной и внушающей доверие государственной власти [12, с. 71].

² А. В. Никитенко – член совета С.-Петербургского университета и участник комиссии по составлению проекта университетского устава – понимал, что подходящее время для выработки нового университетского законодательства еще не наступило, поэтому к форсированию темпов в «университетском вопросе» относился с раздражением. «Это труд... на ветер, – считал он. – Такие улучшения университета, какие мы предлагаем, чистая утопия. У нас еще нет твердого убеждения в том, что науке нужны и простор, и средства, и уважение ее интересов» [6, с. 23].

³ Г. А. Щербатов был предан делу просвещения, за что и пользовался заслуженным уважением профессоров и студентов С.-Петербургского университета. Б. Н. Чичерин, критикуя Г. А. Щербатова «за излишние льготы», дозволенные им в отношении студентов в конце 50-х гг., все же не сомневался в том, что столичный попечитель – самый достойный претендент на должность министра просвещения. По мнению московского профессора, это был «человек твердый, знающий дело», снискавший «значительную популярность» среди окружавших его людей. В московском дворянстве он пользовался репутацией «разумно-либерального деятеля» [12, с. 40, 68].

⁴ Автор подразумевает под ними уже охарактеризованные нами в предыдущей публикации Правила от 31 мая и циркуляр Е. В. Путятина от 21 июля 1861 г.

⁵ Это же мнение разделяли барон М. А. Корф – главноуправляющий II отделением с. е. и. в. канцелярии, Н. И. Пирогов, М. М. Стасюлевич [21, с. 68, прим. 25].

⁶ Дерптский университет, напомним, был единственным университетским центром, оставшимся в стороне от студенческих волнений 1861 г.

⁷ О такой комиссии, составленной из «людей истинно просвещенных», «экспертов» в своем деле мечтал А. В. Никитенко и, как видим, его мечты сбылись [6, с. 219].

Б. Н. Чичерин, не скрывавший своего отвращения к любым кардинальным переменам в «университетском вопросе», был доволен этим составом Комиссии. Он писал: «Выбор... отличный; можно... надеяться на благополучный исход всего дела» [12, с. 54; 55, прим. 2].

⁸ К примеру, Б. И. Утин полагал, что проект воспроизвел «все коренные, давно сознанные недостатки... устава 1835 г.», а М. М. Стасюлевич назвал его «подкаблыванием параграфов прежнего устава», сохранившим при этом «весь его дух» [25, с. 169].

⁹ Эта мера, предложенная А. В. Головинным, вызвала разнообразные суждения. Б. Н. Чичерин, к примеру, с пренебрежением относился к этой инициативе министра, так как считал, что иностранные ученые не имели «ни малейшего понятия... о положении и потребностях русских университетов», поэтому и «не в состоянии были сказать путное слово» [12, с. 56].

Противники обращения за советами к зарубежным авторитетам напирала на то, что те не знакомы ни с русским государственным и общественным строем, ни с «духом» русского народа, ни с его «современным бытом», стремлениями, верованиями и нуждами, поэтому и не могли в полной мере оценить достоинства и раскрыть недостатки предстоящих в университетах преобразований [8, с. 413; 10, с. 72].

На эти замечания министерство заявляло, что «все университеты в христианском мире имеют более или менее одинаковое устройство и существуют для одной и той же цели – развития и распространения науки, которая во всех странах одна и та же; как ни мало знают иностранцы Россию и условия ее внутреннего быта, университеты им известны лучше каких бы то ни было других учреждений» [8, с. 413].

Контакты, существовавшие между отечественными и европейскими университетами, по представлениям чиновников Министерства народного просвещения, создавали благодатную среду для искоренения ложных понятий о намерениях и действиях русского правительства, «нравственный кредит» которого мог заметно возрасти в ходе диалога с зарубежными специалистами по проблемам российского просвещения [10, с. 75].

¹⁰ А. В. Головин в своих «Записках» заявлял, что для успехов просвещения нужны «свобода, простор и полнейшая законность», «свобода слова, предоставленная периодическим изданиям относительно распоряжений по учебной части», поэтому одной из главных своих заслуг на министерском поприще считал «возбуждение... умственной жизни взамен прежнего застоя и апатии», охватившее и министерство, и университетскую корпорацию [5, № 5. с. 95, 103 (п. 11), 108].

¹¹ Либеральной ориентации в «университетском вопросе» придерживались такие издания, как «Атеней», «Отечественные записки», «Русский инвалид», «Русская речь», до 1862 г. – «Современная летопись Русского вестника». Правительственный курс в проведении реформы университетов освещали «Голос», «Северная пчела», «Сын отечества». Университетская профессура предпочитала печататься в «Московских ведомостях» и «С.-Петербургских ведомостях». Органами революционных демократов считались «Русское слово» и «Современник» [24, с. 145].

¹² А. В. Головин ратовал за отмену чинов для выпускников университета и профессорско-преподавательского корпуса. Притягательность чина для лиц, «ищущих не науки, а служебной карьеры», искусственно «размножалось», по его мнению, и без того многочисленное в России «сословие чиновников». Что касается чиновной градации среди профессоров, то его позиция состояла в следующем: во-первых, профессор должен искать ученой славы талантом преподавания своей науки, а не «чиновническими отличиями»; во-вторых, он видел нарушение справедливости в том, что бездарный профессор, имевший высокий чин, с пренебрежением относился «к даровитому [коллеге. – М. Н., Т. П.], но с маленьким чином» [5, № 2. с. 110].

¹³ В первом параграфе устава читаем: «Каждый университет состоит из факультетов как составных частей одного целого». Во втором параграфе сказано: «Факультеты, входящие в состав университетов, суть: историко-филологический, физико-математический, юридический и медицинский» [3, с. 3].

Иной информации в «Общих положениях» устава нет.

¹⁴ К началу 60-х гг. в университетах обучалось 5,5 тысяч человек [27, с. 30].

В 1865 г. их стало 4125 человек [19, с. 170]. Для 65-миллионного населения России это был очень скромный показатель [5, № 5, с. 112].

¹⁵ Вольный российский университет был открыт в январе 1862 г. Лекции происходили в здании городской Думы. Университет был доступен всем желавшим приобщиться к науке во время лекций именитых столичных профессоров. Основными слушателями были студенты закрытого в декабре 1861 г. по воле императора С.-Петербургского университета. Университет просуществовал только один месяц, но представляет интерес как первая попытка молодого поколения, получившего доверие прогрессивной профессуры, радикально перестроить обучение в университетах, применяя принципы добровольности и бесплатности [27, с. 135].

¹⁶ А. В. Головнин в своих «Записках» постоянно жалуется на «произвол» министра финансов при отпуске запрашиваемых им сумм, на то, что деятельность Министерства народного просвещения была «парализована непрерывными отказами в деньгах». Он сетует на то, что потребности этого министерства всегда отодвигались «на второстепенный план», хотя его бюджет был «ничтожен сравнительно с другими управлениями», бесполезно транжирившими средства из государственной казны. В 1866 г., по его подсчетам, в университетах имелось двести тридцать вакантных кафедр, не считая недавно открытого Новороссийского. А. В. Головнин считал это следствием недостаточного финансирования учреждавшихся новым уставом «штатных кафедр» [5, № 2, с. 96–100, 103–112; № 5, с. 100, 101; № 6, с. 73, 74].

Действительно, Министерство народного просвещения, курировавшее наибольшее число научных и образовательных учреждений России (высшие учебные заведения, гимназии, училища, Академию наук, обсерватории, музеи, архивы, библиотеки, ученые общества), было самым бедным по государственному финансированию. Если в 1804–1805 гг. на нужды военного ведомства было израсходовано 43 % от общей суммы государственных ассигнований, то Министерству народного просвещения было выделено около 2 %; в 1829 г. оно получило менее 1 %. В 1863 г. на нужды просвещения и науки было отпущено 3,5 % от общих расходов государства [13, с. 342, 350, 367].

¹⁷ По исследованиям Р. Г. Эймонтовой, на юридических факультетах в конце 50-х гг. XIX в. преподавались, кроме профилирующих дисциплин, логика, архитектура, естественная история; на физико-математических – логика, русский, латинский, церковно-славянский языки, а также история русского законодательства [24, с. 155, прим. 40].

¹⁸ По подсчетам П. А. Зайончковского, в 1853 г. Государственный совет состоял из пятидесяти девяти человек. Все они были дворянами, в том числе и титулованными; преобладающее их большинство относилось к крупным землевладельцам; выпускниками университетов и лицеев были

только десять человек. Тридцать восемь человек могли похвастаться исключительно домашним образованием.

Только к началу XX в. количество членов Государственного совета с высшим образованием возрастет до 71 % [16, с. 130–133; 199, 200].